

ПРОСТОЙ ПОДСКАЗЧИК?

КОГО НЕ ВИДИТ ЗРИТЕЛЬ

В РАНИЕ часы Павловский парк кажется совсем пустынным. Евгений Евгеньевич выбирает самые дальние тропинки. Для него стало привычкой приезжать сюда после трудных репетиций или успешных премьер.

— Многие считают, что суфлер в опере — простой подсказчик, — продолжает Евгений Евгеньевич прерванный разговор. — А вы как думаете?

...В классе Театра оперы и ба-

лета имени С. М. Кирова идет репетиция первого акта оперы Р. Вагнера «Лоэнгрин». Е. Е. Орлеанский просит исполнителей занять места. Одна из солисток, сославшись на то, что хорошо знает свою партию, стала слишком далеко. Через несколько минут репетицию пришлось прервать. Певица действительно хорошо знала свою партию, но для того, чтобы петь в таком сложном вокальном ансамбле, этого мало.

Без помощи суфлера трудно достичь слаженности и стройности. Вот почему во время спектакля дирижер отвечает за оркестр, а сцена отдана суфлеру.

— На сцене оперный актер находится в сложных условиях, — объясняет Орлеанский. — Он должен слушать оркестр, партнеров, следить за звучанием собственного голоса, «быть в образе». Если в драме актер делает паузу больше, чем необходимо, то

ничего не случится. Оперный певец окажется в положении пассажира, опоздавшего на поезд: оркестр уйдет вперед, а актер останется.

Иногда Евгению Евгеньевичу приходится самому петь из суфлерской будки.

— В одном из спектаклей известный певец вдруг начал арию с середины. Что делать? Стал я петь необходимые слова, но так, чтобы меня слышали только на сцене. Солист понял свою ошибку, подхватил слова арии и допел партию.

За многолетнюю работу в театре Евгений Евгеньевич настолько хорошо изучил исполнителей, что заранее может сказать, как пойдет спектакль, кто больше

нуждается в его помощи, за кого можно быть спокойным. Одному исполнителю Евгений Евгеньевич может сделать замечание в антракте, а другому — только после спектакля: певец расстроится, и это помешает ему хорошо допеть партию до конца.

А чего стоят спектакли с участием зарубежных певцов, когда в руках у суфлера сразу несколько клавиров! К примеру, Кармен поет по-французски, Хозе — по-немецки, а остальные исполнители — по-русски.

— Пришлось серьезно заняться французским и немецким языками, — улыбается Евгений Евгеньевич. — Знаю немного и итальянский.

Бережно хранит Е. Е. Орлеан-

ский многочисленные фотографии с автографами знаменитых певцов. На одной из них надпись по-немецки: «Дорогому господину суфлеру с большой, большой благодарностью, с большой сердечностью. Гизела Шрётер» — солистка Дрезденской оперы. На каком бы языке ни обращались к Евгению Евгеньевичу исполнители, — это всегда слова глубокой признательности за помощь и поддержку.

За плечами Е. Е. Орлеанского работа в ансамбле военного округа, блокада, концерты в Невской Дубровке и на радио. Фронт, где пришлось быть и разведчиком, и санитаром. После войны он окончил с отличием дирижерско-хоровой факуль-

тет Ленинградской консерватории, работал дирижером. Потом конкурс на должность суфлера в Кировском театре, на котором из восьми претендентов победителем оказался Орлеанский.

— Сколько знаю опер? — Евгений Евгеньевич задумывается. — Да около шестидесяти.

...Отзвучат последние такты. Опустится занавес. Но еще будут раздаваться аплодисменты зрителей, еще и еще раз вызывающие певцов, дирижера, режиссера-постановщика. Аплодисменты зрителей — лучшее свидетельство успеха спектакля. И в этом успехе большая доля труда оперного суфлера — Евгения Евгеньевича Орлеанского.

Е. ПЕНОВА